

ХРОНОЛОГИЯ ДВУКРУЖКОВЫХ ПОЯСНЫХ НАКЛАДОК И ПРОБЛЕМА МИГРАЦИЙ В ВОЛГО-КАМЬЕ НА РУБЕЖЕ IV—V ВЕКОВ

В статье рассматриваются вопросы этнической принадлежности населения на территории Волго-Камья в период IV—V вв. Установлен ареал распространения двукружковых поясных накладок в разных природно-климатических зонах Волго-Уралья и восточнее Урала, уточнена хронология данных предметов (конец IV — нач. V в). Появление накладок в Волго-Камье автор связывает с гунно-уграми (хунугурами Иордана).

Известная работа А. К. Амброза явилась первой попыткой системной хронологизации огромного массива разрозненных раннесредневековых материалов Восточной Европы (Амброз, 1971а; 1971б). Именно эта опубликованная на страницах «Советской археологии» статья явилась отправной точкой многолетней дискуссии о периодизации евразийских древностей эпохи великого переселения народов. Заметным событием на этом пути стал выход в 1979 году сборника «Проблемы хронологии памятников Евразии в эпоху раннего средневековья», на страницах которого свои точки зрения на проблему высказали ведущие советские археологи-медиевисты (КСИА. 1979. Вып. 158).

В последующие годы был опубликован целый ряд работ, в которых целенаправленно разрабатывались вопросы раннесредневековой хронологии как отдельных типов памятников (и типов артефактов), так и целых регионов: Прикамья, Среднего Поволжья, Северного Кавказа, Поднепровья, Причерноморья. Это, прежде всего, исследования И. П. Засецкой (Засецкая, 1994), В. Б. Ковалевской (Ковалевская, 1979; 1981; 1995), Р. Д. Голдиной (Голдина, 1979; 1985; 1999), А. И. Айбабина (Айбабин, 1982; 2003), А. В. Дмитриева (Дмитриев, 2003), И. О. Гавритухина и др. (Гавритухин, Малашев, 1998; Гавритухин, Обломский, 1996), А. В. Богачева (Богачев, 1992). При всем разнообразии подходов к анализу археологических источников, при различии взглядов на абсолютную хронологию материалов, все эти исследователи значительно сблизили свои позиции по вопросам относительной хронологии восточноевропейских раннесредневековых древностей. Важнейшим инструментом синхронизации, разработанной для отдельных регионов, колонок относительной хронологии стали металлические украшения и, в частности, детали (пряжки, накладки, наконечники) поясных наборов.

В эпоху раннего средневековья у многих народов Евразии наборные пояса были вещью статусной, модной и желанной. Люди состоятельные (вожди племен, дружинники) могли позволить себе купить (или заказать) приглянувшееся ему изделие в профессиональных мастерских крупных ремесленных центров. Небогатые были вынуждены ограничиваться топорным ширпотребом местных кустарей. Именно поэтому находимые при раскопках украшения одного и того же типа зачастую разительно отличаются друг от друга как по материалу изготовления (золото, серебро, бронза), так и по качеству исполнения. А с учетом того, что местный мастер нередко «срисовывал» модную вещь, что называется «на глазок» (так бывает и сегодня, когда,

например, в Индокитае начинают копировать швейцарские часы или «белую» технику), то порой о прототипе изделия современному исследователю приходится только догадываться.

С подобной ситуацией автор в очередной раз столкнулся, когда работал с археологическими коллекциями Самарского областного историко-краеведческого музея и Самарского государственного университета. В частности, удивили сходства-различия поясных накладок из Федоровского погребения (Гольмстен, 1928; Богачев, 1998), с одной стороны, и из слоя городища Лбище — с другой (Матвеева, 2000).

В свое время нами был предложен код для описания поясных накладок эпохи средневековья (Богачев, 1992). Лбищенская накладка аналогична Федоровским по ряду признаков и, в том числе, по первому — «форма контура». Действительно, если бы мы описывали те и другие накладки при помощи предложенного кода, то значение названного признака в том и в другом случае было бы одно и то же — 49 (Богачев, 1992, рис. 10).

Вместе с тем при ближайшем рассмотрении лбищенская и федоровские накладки имеют целый ряд отличий. Прежде всего, невооруженным взглядом видно, что первая (грубо вырезанная из листовой бронзы) изготовлена ремесленником-кустарем, в отличие от федоровских (изящных), по матрицам из серебра отлитых в специализированной мастерской.

Действительно, вероятнее всего 40 накладок из Федоровского комплекса были частью изготовленного на заказ богатого поясного набора, в который также входили пряжки, накладка с кольцом и, возможно, другие детали (Богачев, 1998, с. 9—17).

Основа накладок — узкие прямоугольные (от 2,5 x 0,6 см до 3,0 x 0,6 см) литые полые пластины с бортиками-закраинами (высота до 0,3 см). Причем иногда бортик почти перпендикулярен плоскости накладки, а иногда расположен под углом 45 градусов. У двух концов прямоугольной пластины были сквозные отверстия, в которые продевались гвоздики с полыми полусферическими шляпками (диаметр шляпки 0,6 см, высота — 0,4 см). Другой конец гвоздика протыкался через ремень и расплющивался на его обратной стороне (Богачев, 1998, рис. 4, 10—12).

Дата Федоровского комплекса была определена в пределах первой четверти V века (Богачев, 1998, с. 17). Примерно этим же временем (рубежом IV—V вв.), по мнению Г. И. Матвеевой, датируются все поздние вещи (включая названную поясную накладку) из слоя городища Лбище (Матвеева, 2000, с. 103). То есть весьма велика вероятность того, что люди, оставившие эти артефакты, были современниками.

В свое время нами было высказано предположение, что прекращение жизни на городище Лбище на рубеже IV—V веков связано с движением из Причерноморья (после разгромов его центров гуннским племенным союзом) на северо-восток (в лесостепное Поволжье и Приуралье) кочевнических отрядов, оставивших памятники Федоровка, Тураево и ранние погребения турбаслинской культуры (Богачев, 1998, с. 83).

Сейчас, когда в научный оборот введен ряд новых эталонных памятников того времени — могильники джетыясарской культуры в Восточном Приаралье (Левина, 1994; 1996), Тарасовский могильник в Прикамье (Голдина, 2003; 2004), представляется важным и интересным вернуться к вопросам хронологии и этнокультурного взаимодействия в эпоху доминирования гуннов.

И в этом смысле, накладки, о которых зашла речь, могут пролить свет на некоторые из этих проблем.

Строго говоря, если заниматься детальным сравнительным анализом лбищенской и федоровских накладок, различий в них больше, нежели сходства. В отличие от вышеописанных, объемных поясных накладок из Федоровского комплекса, лбищенская накладка абсолютно плоская, кружки на ней не являются шляпками гвоздиков. Кроме того, она имеет заднюю пластину, плотно закрепляющую ее на ремне. Однако в данном конкретном случае признак «форма контура накладки» перевешивает все остальные и является типобразующим: на ремне и та и другие накладки смотрелись практически одинаково. Лбищенская накладка была грубой, но имитацией федоровских. Причем древний мастер-кустарь попытался воспроизве-

сти не просто форму накладки в плане, но, украсив длинные стороны лбищенской накладки фасетками, он постарался придать ей объем (приподнятость над ремнем), подобный федоровским накладкам. И в данном случае можно говорить о том, что федоровские изделия были прототипом (моделью, шаблоном, выкройкой) лбищенского. В определенном смысле последние являются разновидностью одного и того же типа изделий.

Этот тезис представляется нам важным в связи с дальнейшими рассуждениями о распространении в пространстве и во времени двукружковых поясных накладок. Предлагаемый нами термин («двукружковые») для обозначения *типа* накладок, аналогичных вышеописанным, лбищенской и федоровским, достаточно условен и вводится для удобства и краткости их обозначения.

Территориально двукружковые поясные накладки известны в трех природно-географических зонах Евразии: лесной, степной и пустынной.

В лесной зоне обозначенные накладки в массе своей локализируются исключительно в районах Волго-Вятско-Камского междуречья. Найдены они, главным образом, в комплексах азелинской (Азелинский, Суворовский, Мари-Луговской, Худяковский могильники) и мазунинской (Ижевский, Сайгатский, Старо-Кабановский, Тарасовский, Покровский могильники) культур. В. Ф. Генинг, по материалам могильников Прикамья специально изучавший хронологию поясной гарнитуры I тыс. н.э., привел в сводной таблице, в частности, и тип двукружковых накладок и отметил, что именно «азелинское население впервые в Прикамье в массе носит пояса с пряжками, накладками и наконечниками» (Генинг, 1979, с. 98). Что касается хронологии этих поясов, то, сопоставляя эти пояса с аналогичными венгерскими, он пришел к выводу, что стоит «принять IV век как одну из надежных дат» (Генинг, 1979, с. 99).

Со времени выхода, более четверти века назад, этой работы В. Ф. Генинга был исследован еще ряд могильников позднепьяноборской эпохи (Тарасовский, Покровский и др.). Материалы мазунинской культуры были обобщены монографически (Останина, 1997). Интересующие нас детали поясной гарнитуры в классификации Т. И. Останиной были описаны как «накладки, состоящие из двух слабовыпуклых овалов, приближающихся к кругу, прямоугольной площадкой» (тип 4), а также как «накладки прямоугольной и фигурной формы... крепились с помощью двух штырей или заклепок, имеющих с одной стороны длинный жалообразный конец, загибающийся под углом, с другой — шляпку-горошину» (тип 8) (Останина, 1997, с. 59—60, рис. 11, 30—32, 37). Даже по описанию не трудно определить, что 4 тип накладок (по Т. И. Останиной) морфологически близок лбищенской накладке, а 8 тип (по Т. И. Останиной) — дериват федоровских накладок.

Небезынтересно и то, что произведенный Т. И. Останиной хронологический анализ артефактов мазунинской культуры выявил, что двукружковые поясные накладки впервые появляются в комплексах конца IV — начала V века (Останина, 1997, с. 108).

На Тарасовском могильнике было исследовано 24 захоронения, содержащие интересующий нас тип накладок. Полное исследование и публикация Р. Д. Голдиной этого эталонного памятника помогут исследователям сделать хронологию Прикамских древностей I—V вв. максимально дробной (Голдина 2003; 2004). И одним из важнейших инструментов анализа, несомненно, станет планиграфия могильника. Уже сегодня можно сделать небезынтересные наблюдения. В частности, комплексы с двукружковыми накладками локализируются во вполне определенной зоне памятника. А именно: основная их масса (19 из 24-х) расположена на линии север-юг в достаточно неширокой полосе (9—12 м) между вертикалями, поименованными литерами «М» — «П». Протяженность этой полосы составляет не более 90 метров. Оставшиеся 5 погребений с накладками (№№ 4, 6, 269, 301, 453) расположены чуть западнее, но также в средней части могильника, и территориально примыкают к основной группе комплексов, содержащих обозначенный тип украшений пояса. Если предлагаемая нами датировка (рубеж IV—V вв.) двукружковых накладок верна, то обозначенная на Тарасовском могильнике полоса погребений (№№ 1681, 765, 241, 168, 171, 199, 381, 359, 513, 143, 779, 759, 811, 817, 860, 863, 1010) явится своеобразной линией, отделяющей комплексы IV века от по-

гребений V века. Для нас представляется важным, что эта линия могил не «рвет» и не заканчивает вытянутые в широтном направлении ряды захоронений Тарасовского могильника, а органично «встраивается» в них. Но к этому тезису, нам еще предстоит вернуться.

В степной зоне Евразии двукружковые накладки в массе своей найдены в кочевнических захоронениях, так или иначе связываемых исследователями с материалами гуннского круга. Помимо находок из Федоровского комплекса, это пояс из урочища Кубей (Одесская область Украины) (Засецкая, 1994, табл. 46, 5), пояс из Канатгаса (Прибалхашье, Казахстан) (Кадырбаев, 1959, с. 179—182, 197, рис. 25), пояс из Байрамгулово II (Челябинская область) (Боталов, Полушкин, 1996, с. 188—190, рис. 2). Кроме того, накладки этого типа обнаружены в одном из погребений (курган 22) Салиховского могильника (Башкортостан) (Васюткин, 1986, с. 188, рис. 6, 22). Описанная выше Лбищенская накладка территориально-географически также находится в контексте артефактов этой «степной» группы. Широка дата названных комплексов, предлагаемая авторами публикаций, IV—V вв. И. П. Засецкая небезосновательно сужает дату обозначенных гуннских древностей (Канатгас, Кубей, Федоровка) — конец IV—V вв. (Засецкая, 1994, с. 123—130). Общая дата Салиховского могильника, по мнению С. М. Васюткина, «может быть определена как конец IV—V в. н.э.» (Васюткин, 1986, с. 194).

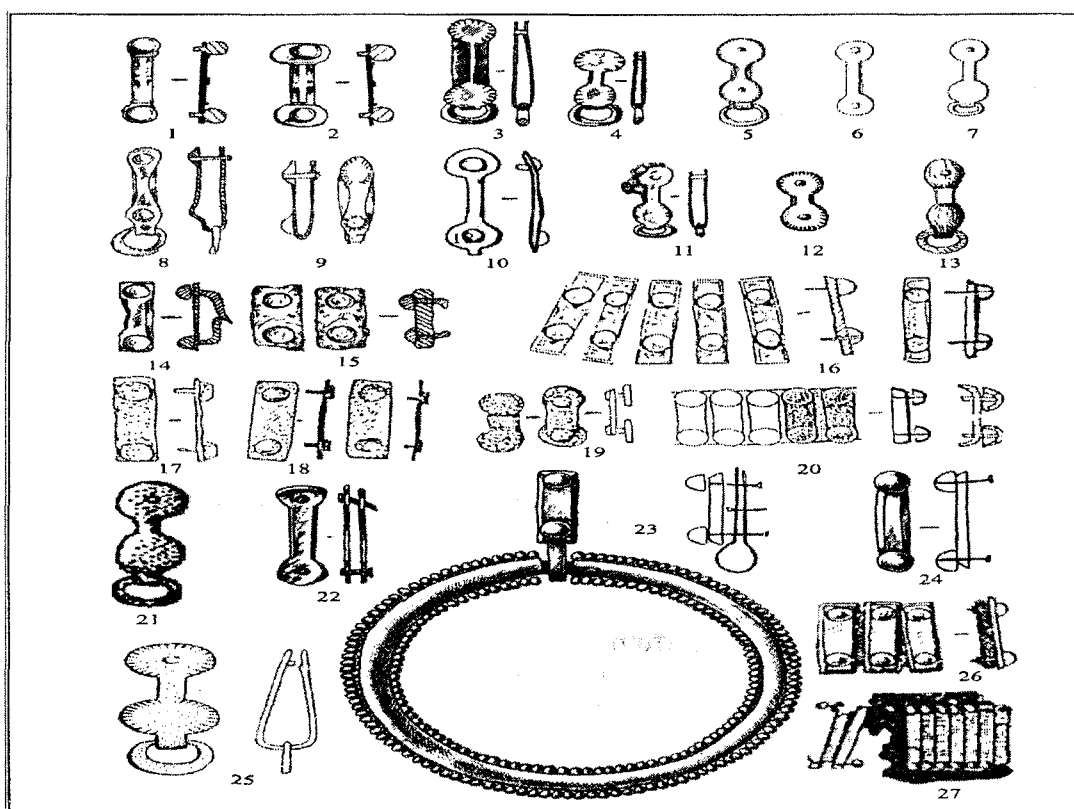

Рис. 1. Двукружковые поясные накладки из районов Волго-Камья (1—15), Восточного Приаралья (16—20) и Евразийских степей (21—27). Масштаб различный

1—2 — Тарасовский мог. п. 811 (Голдина 2003. Табл. 354); 3—4 — Тарасовский мог. п. 4 (Голдина 2003. Табл. 2); 5 — Сайгатский мог. (Генинг 1979. Рис. В9); 6 — Суворовский мог. (Генинг 1979. Рис. Д15); 7 — Азелинский мог. (Генинг 1979. Рис. Г7); 8—9 — Покровский мог. п. 20 (Останина 1992. Рис. 4, 3, 12); 10 — Тураевский грунт. мог. (Голдина 1999. Рис. 131, 5); 11 — Худяковский мог. (Голдина 1999. Рис. 129, 2); 12 — Ижевский мог. п. 11 (Генинг 1967. Табл. III, 9); 13 — Ижевский мог. п. 24 (Генинг 1967. Табл. III, 12); 14—15 — Покровский мог. п. 109В (Останина 1992. Рис. 17, 4, 5); 16, 19 — Косасар-2 мог. п. 365 (Левина 1996. Рис. 129, 9, 11); 17 — Томпакасар мог. п. 16 (Левина 1996. Рис. 129, 14); 18 — Косасар-2 мог. п. 100 (Левина 1996. Рис. 129, 15, 16); 20 — Томпакасар мог. п. 365 (Левина 1996. Рис. 129, 7—8); 21 — Байрамгулово мог. к. 2,

п. 2 (Боталов, Полушкин 1996. Рис. 2, 31); 22 — Лбище гор. (Матвеева 2004. Рис. 23, 8); 23—24 — Федоровка (Богачев 1998. Рис. 4, 9,12); 25 — Салиховский мог. к. 22 (Васюткин 1986. Рис. 6, 22); 26 — Кубей погр. (Засецкая 1994. Табл. 46, 5); 27 — Канаттас погр. (Кадырбаев 1959. Рис. 25).

В зоне пустынь исследуемый тип артефактов локализуется в Восточном Приаралье — в Джетыясарском оазисе. Здесь пояса с двукружковыми накладками найдены в могильниках Косасар 2, Томпакасар, Алтынасар 4о, Алтынасар 4л, Бедикасар (Левина, 1996, рис. 129, 7—11, 14—16; 133). Многие вопросы интерпретации этого, безусловно, уникального, массива памятников еще предстоит осмыслить. Однако, если говорить о наборных поясах с двукружковыми накладками, то они и типологически, и хронологически несомненно укладываются в контекст обозначенной проблемы. Более того, именно в Джетыясарском урочище наибольшее число изделий сделано профессионально, что не исключает возможности того, что самые первые образцы двукружковых накладок были изготовлены именно в ремесленных центрах Джетыясарского оазиса.

Помимо предложенного широтного природно-географического (лес, степь, пустыня) принципа локализации поясных наборов с двукружковыми накладками, находки этих артефактов территориально можно разделить и иначе. Основанием такого деления является традиционная и далеко не условная граница — по Уралу. Кроме того, в данном случае мы полностью соблюдаем принцип историзма.

Общеизвестно, что гунны пришли в Европу из Азии, то есть из-за Урала. Соответственно продвигались они с востока на запад, а не наоборот. В этой связи логично допустить, что целый ряд артефактов, ассоциируемых с культурой гуннов, имеет зауральское происхождение. И это достаточно определенно продемонстрировала И.П. Засецкая на материалах котлов и наконечников стрел (Засецкая, 1983; Бокоренко, Засецкая, 1993).

Нам представляется, что наборные пояса с двукружковыми накладками также имеют зауральское происхождение. Более того, распространение наборных поясов в Сибири, Казахстане, на Южном Урале некоторые исследователи связывают именно «с началом движения на запад северных хуннов в конце I в. до н.э.» (Любчанский, 2004, с. 205).

Если оконтурить места находок двукружковых поясных накладок за Уралом (Южное Зауралье, Прибалхашье, Низовья Сырдарьи), то мы получим территорию, входившую в так называемую «третью» империю хуннов, которая до 375 г. н.э. контролировала территории от Яика до Тарбагатай и полностью регламентировала жизнь входивших в ее состав народов» (Любчанский, 2004, с. 215). Именно эти территории явились плацдармом для вторжения гуннов в Европу.

Историю европейских гуннов И. П. Засецкая разделяет на четыре этапа (Засецкая, 1994, с. 132). Нам представляется, что бытование наборных поясов с двукружковыми накладками хронологически совпадает с двумя первыми этапами: I — нашествие гуннов в южнорусские степи (370—378 гг.); II — образование и господство гуннского племенного союза в Северном Причерноморье (378—445 гг.). Во всяком случае, комплекс артефактов из урочища Кубей Одесской области «типичен для первой половины V века» (Засецкая, 1994, с. 123). А находки у с. Федоровка, проанализированные в системе средневожских раннесредневековых древностей (Богачев, 1992, с. 159) ограничивают верхнюю дату бытования этих поясов первой четвертью V в.

Таким образом, с учетом всех приведенных выше данных нам представляется, что в Европейской степи дата наборных поясов с двукружковыми накладками ограничивается рамками последней четверти IV — первой четверти V века. Что касается датировки этих изделий в лесных районах Прикамья, то в соответствии с хронологией Т. И. Останиной, появившись на рубеже IV—V веков, эти накладки продолжают встречаться и в комплексах V века (Останина, 1997, рис. 51, 2, 84). Однако, вероятней всего, не следует растягивать время их бытования в Прикамье на весь V век. Судя по планиграфии Тарасовского могильника, подавляющее большинство погребений с исследуемым типом поясов расположено одной достаточно неширокой полосой, т. е. все они совершены примерно в одно и то же время.

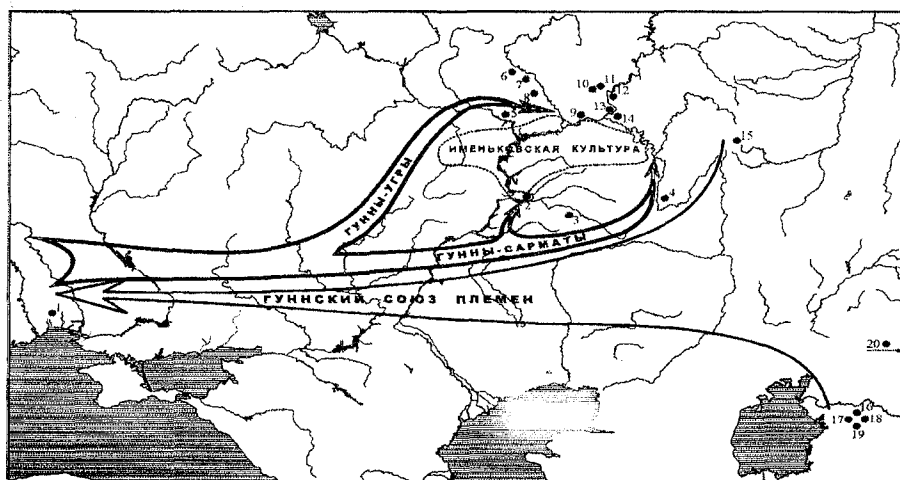

Рис. 2. Карта-схема распространения двукружковых поясных накладок и передвижение гуннских племен на рубеже IV—V вв.

1 — Кубей; 2 — Лбище; 3 — Федоровка; 4 — Салихово; 5 — Мари-Луговской; 6 — Худяки; 7 — Суворово; 8 — Азелино; 9 — Тураево; 10 — Покровский; 11 — Ижевск; 12 — Сайгатка; 13 — Тарасово; 14 — Старокабаново; 15 — Байрамгулово; 16 — Томпакасар; 17 — Косасар; 18 — Алтынасар; 19 — Бедикасар; 20 — Канатгас.

И если говорить об узкой дате бытования в Восточной Европе (включая и степные и лесные районы) наборных поясов с двукружковыми накладками, то ее следует ограничить последней четвертью IV — первой четвертью V века. Иначе говоря, это рубеж IV—V веков.

Именно в это время в Волго-Камье фиксируются значительные этно-культурные изменения. Г. И. Матвеева справедливо отмечает, что «наиболее мощная миграция населения в Среднее Поволжье имела место в последней четверти IV века н.э. и, несомненно, была вызвана вторжением гуннов в Европу. Следствием этой миграции явилось возникновение в Среднем Поволжье именьковской культуры (Матвеева, 2004, с. 70). Точка зрения Г. И. Матвеевой о славянских (пшеворско-позднезарубинецких) корнях именьковской культуры сегодня поддержана большинством исследователей.

Принципиально важным является то обстоятельство, что дата вторжения гуннов в южнорусские степи (370—378 гг.) смыкается с датой (последняя четверть IV в.) появления на Средней Волге славянских племен именьковской культуры. Несомненно, что второе, в самом общем виде, является следствием первого. Вместе с тем такая грандиозная миграция, вероятнее всего, должна была быть предопределена какими-то конкретными историческими (возможно трагическими) событиями.

У Иордана есть описание драматического эпизода, происшедшего со славянским племенем антов в период до 378 года (т. е. до Адрианопольской битвы). Речь идет о деяниях остготского вождя Винитария, который «двинул войско в пределы антов. И когда подошел к ним, был побежден в первой стычке, затем повел (себя) более храбро и короля их по имени Боз с сыновьями его и 70 знатными людьми распял, чтобы трупы повешенных удваивали страх покоренных» (Иордан, 1991, с. 115. § 247). Нам представляется, что эта жестокая расправа могла переполнить чашу терпения покоренного народа и явиться решающим аргументом, склонившим часть славян к решению о переселении на Волгу.

Справедливости ради следует сказать, что у Иордана есть еще одно упоминание о военных столкновениях славян и готов: «Херманарик также двинул войско на венетов, которые хотя и достойные презрения из-за их [плохого] вооружения, но могучие численностью, сперва пробовали сопротивляться» (Иордан, 1991, с. 111. § 119).

Однако описанное Иорданом избиение антов по своим масштабам достигает уровня «фольклорно-исторических преданий» (Анфертьев, 1991, с. 159). Впрочем, масштабы переселения славян на Среднюю Волгу в конце IV века н.э. также были воистину грандиозными.

Но славяне (именьковская культура, лбищенский тип) были далеко не единственными племенами, пришедшими в Волго-Камье из юго-западных районов Восточной Европы в конце IV — начале V века н.э.

В частности, именно в это время в Южном Приуралье начинает формироваться турбаслинская культура. По мнению Ф. А. Сунгатова, «одна из групп позднесарматского населения, испытавшего на себе влияние гуннской этнокультурной среды, в виде нового этнического образования отходит на восток — в Приуралье, где ими и были оставлены памятники, известные как турбаслинские» (Сунгатов, 1998, с. 114).

То есть степные и лесостепные просторы Южного Приуралья на рубеже IV—V вв. заселили гунны-сарматы, пришедшие на эти территории после участия в составе гуннских отрядов в разграблении центров Северного Причерноморья. О последнем, в частности, свидетельствует захваченная там военная добыча: уникальное изделие античной торевтики с изображением римских воинов (Гарустович, Иванов, 1994, рис. 1, 4), а также ряд ювелирных украшений и предметы из драгоценных металлов (Сунгатов, 1998, рис. 3, 6, 7, 9).

Заметим, что в комплексах турбаслинской культуры, т. е. у гуннов-сарматов, не встречены двукружковые поясные накладки.

В Южном Приуралье таковые известны лишь в материалах Салиховского курганного могильника, оставленного, по мнению С. М. Васюткина, сильно смешанным населением, состоящим из трех этнических компонентов: позднесарматского, финно-угорского (имендьяшевского) и тюркоязычного. Под последним автор подразумевал гуннское население: «есть все основания связывать новые черты погребального обряда населения Южного Приуралья середины I тыс. н.э. с гуннами или другими пришлыми вместе с ними племенами восточного происхождения (Васюткин, 1986, с. 195—196).

Интересным представляется то, что турбаслинское (позднесарматское) население вступило в достаточно тесные дружеские контакты со славянскими племенами, заселившими среднее течение р. Белой, о чем, в частности, свидетельствуют материалы биритуального Кушнаренковского могильника (Генинг, 1977). Кроме того, количество укрепленных городищ на этой границе именьковского мира было минимальным, чего нельзя сказать о северной периферии именьковской культуры.

Именно на севере, на правом берегу Нижней Камы, славяне буквально «ощетинились» цепью городищ-крепостей (Старостин 1967, табл. I). Это не удивительно: если с поздними сарматами славяне (и их предки) на протяжении нескольких веков выстраивали отношения еще в лесостепном Поднепровье, то мир лесных финно-угорских племен был для них далеким, незнакомым и чужим. В свою очередь, население Волго-Камья, вероятнее всего, воспринимало славян-именьковцев не иначе как непрошенных гостей, отношение к которым было соответствующим.

Однако славяне были далеко не единственными, кто в конце IV века, придя с юго-запада, нарушил спокойную размеренную жизнь лесных охотников Прикамья. Факт присутствия новых этнических групп документирован «появлением значительного числа захоронений, сопровождающихся оружием и защитным снаряжением, не характерным для финно-угорских народов Приуралья (Тюм-Тюм, Первомайск, Худяки, Суворово на р. Вятке и Нивы, Тарасово — на Средней Каме). Иногда воинские захоронения отличались еще и курганным обрядом захоронения (Тураево, Кудашево)» (Голдина, 1996, с. 77). Р. Д. Голдина считает, что, несмотря на временной интервал, разделяющий азелинско-суворовские и тураевско-кудашевские древности, они, тем не менее, связаны общностью происхождения: «возможно, эти группы имели гото-славянский облик» (Голдина, 1999, с. 266). Аргументом в пользу этого вывода явились «вещи, не характерные для Прикамья»: «косы», халцедоновые диски-навершия мечей, железные проушные топоры-гривны и др. (Голдина, 1999, с. 274—275).

С последним трудно не согласиться. Все эти вещи, а также целый ряд украшений и предметов вооружения из названных могильников Прикамья, действительно имеют западное (юго-западное) происхождение. Бесспорно и то, что в конце IV века на Вятку и Каму пришла какая-то новая этническая группа хорошо вооруженных воинов.

Однако нам представляется, что они пришли из среды, культурно и этнически близкой гуннам. Если быть более точным — гуннам-уграм, которых, на наш взгляд, можно идентифицировать с хунугурами Иордана: «Хунугуры же известны оттого, что от них идет торговля пушниной» (Иордан, 1991, с. 109. § 37). Движение гуннов из-за Урала в Северное Причерноморье (Кубей), а затем и в Прикамье (Азелино, Мазунино, Сайгатка, Мари-Луговской, Покровка, Тураево, Худяки, Тарасово, Старо-Кабаново, Ижевский) маркируют наборные пояса с двукружковыми накладками.

Рассматривая обозначенные комплексы как гунно-угорские, мы разрешаем еще одно, казалось бы, противоречие, состоящее в том, что пришедшие на рубеже IV—V вв. люди были похоронены на позднепьяноборских могильниках Прикамья по местным обычаям?! Вопрос этот снимается, если принять во внимание то, что к прикамским финно-уграм пришли хоть и дальние, но все же схожие с ними по языку и по ментальности родственники — зауральские угры. Заметим, что примерно в это же время из-за Урала в Кунгурскую лесостепь уже шла инфильтрация угорского населения саргатской культуры (Голдина, 1996, с. 76).

В данном случае уместно вспомнить точку зрения Л. Н. Гумилева, высказанную им более полувека назад: «Именно с угорских территорий начали хунны свой новый поход на запад, причем угорский элемент составлял их основную боевую силу, и нет оснований сомневаться в том, что оба народа смешались и слились в один новый народ — гуннов» (Гумилев, 1993, с. 201).

Резюмируя все вышесказанное, можно выделить следующие принципиальные моменты.

Наборные пояса с двукружковыми накладками датируются последней четвертью IV — первой четвертью V в. н.э. (рубежом IV—V вв.).

Найдены эти пояса на позднепьяноборских могильниках Прикамья, в комплексах «гуннского круга» Евразийских степей и в джетыясарских материалах Восточного Приуралья.

Появляются пояса с двукружковыми накладками за Уралом, на территории, входящей в зону влияния «третьей» (по И. Э. Любчанскому) империи хуннов. Именно с гуннами эти изделия попадают в районы Северного Причерноморья.

В дальнейшем, в результате оттока части гуннов из Причерноморья, накладки попадают как в Южное Приуралье (Салиховский гунно-сармато-финно-угорский могильник), так и Волго-Вятско-Камское междуречье (финно-угорские могильники поздней стадии пьяноборской общности).

Люди, принесшие пояса с двукружковыми накладками в районы Прикамья, являются этническими гунно-уграми (хунугурами Иордана).

Вещи западного происхождения, найденные на финно-угорских могильниках Прикамья, следует рассматривать как военные трофеи, принесенные на эти территории гунно-уграми.

В материалах имениковской культуры Среднего Поволжья двукружковые поясные накладки практически отсутствуют. Картография показывает, что места находок этих накладок буквально окаймляют имениковский мир, не проникая в него, что лишним раз подчеркивает, что пришедшие сюда славяне (возможно анты Иордана) оказались во враждебном этно-культурном окружении. В этой связи говорить об общих корнях имениковских племен — с одной стороны, и отдельных групп прикамского населения IV—V вв. (азелинского, тураевского) — с другой, на наш взгляд, несколько преждевременно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Айбабин А. И., 1982. Погребения конца VII — первой половины VIII вв. в Крыму // Древности эпохи великого переселения народов V—VIII вв. М., с. 165—192.

Айбабин А. И., 2003. Степь и юго-западный Крым // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV—XIII века. М., с. 16—22.

- Амброз А. К., 1971а.** Проблемы средневековой хронологии Восточной Европы // СА. № 2, с. 96—123.
- Амброз А. К., 1971б.** Проблемы средневековой хронологии Восточной Европы // СА. № 3, с. 106—134.
- Анфертьев А. Н., 1991.** Иордан // Свод древнейших письменных известий о славянах. Том I (I—VI вв.). М., с. 98—160.
- Богачев А. В., 1992.** Процедурно-методические аспекты археологического датирования. Самара. 207 с.
- Богачев А. В., 1998.** Кочевники лесостепного Поволжья V—VIII вв. Самара. 107 с.
- Боталов С. Г., Полушкин Н. А., 1996.** Гунно-сарматские памятники Южного Зауралья III—V вв. // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск, с. 178—193.
- Боковенко Н. А., Засецкая И. П., 1993.** Происхождение котлов «гуннского типа» Восточной Европы в свете хунно-гуннских связей // ПАВ. №3, с. 73—88.
- Васюткин С. М., 1986.** Салиховский курганный могильник конца IV—V в. в Башкирии // СА. № 2, с. 180—197.
- Гавритухин И. О., Малашев В. Ю., 1998.** Перспективы изучения хронологии раннесредневековых древностей Кисловодской котловины // КЕС. Вып. 2, с. 28—86.
- Гавритухин И. О., Обломский А. М., 1996.** Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 296 с.
- Гарустович Г. Н., Иванов В. А., 1994.** Уникальное произведение позднеантичной торевтики с изображением воинов // Вооружение и военное дело древних племен Южного Урала. Уфа, с. 137—145.
- Генинг В. Ф., 1967.** Ижевский могильник // ВАУ. Вып. 7, с. 123—140.
- Генинг В. Ф., 1977.** Памятники у с. Кушнаренково на р. Белой (VI—VII вв. н. э.) // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, с. 90—136.
- Генинг В. Ф., 1979.** Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н. э. (по материалам могильников Прикамья // КСИА. Вып. 158, с. 96—106.
- Голдина Р. Д., 1979.** Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в Верхнем Прикамье // КСИА. Вып. 158, с. 79—90.
- Голдина Р. Д., 1985.** Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск. 280 с.
- Голдина Р. Д., 1996.** Взгляд на памятники «великого переселения народов» в Прикамье // XIII УАС. Тез. докл. Ч. II. Уфа, с. 75—77.
- Голдина Р. Д., 1999.** Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: «Удмуртский университет». 464 с.
- Голдина Р. Д., 2004.** Тарасовский могильник на Средней Каме. Т. I. Ижевск. 315 с.
- Голдина Р. Д., 2003.** Тарасовский могильник на Средней Каме. Т. II. Ижевск. 721 с.
- Гольмстен В. В., 1928.** Археологические памятники Самарской губернии // ТСА РАНИОН. Т. IV, с. 134—135.
- Гумилев Л. Н., 1993.** Хунну. Степная трилогия. СПб., 212 с.
- Дмитриев А. В., 2003.** Могильник Дюрсо — эталонный памятник древностей V—IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV—XIII века. М., с. 200—207.
- Засецкая И. П., 1983.** Классификация наконечников стрел гуннской эпохи (конец IV—V вв. н. э.) // История и культура сарматов. Саратов, с. 70—84.
- Засецкая И. П., 1994.** Культура кочевников Южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV—V вв.). СПб., 222 с.
- Иордан, 1991** // Свод древнейших письменных известий о славянах. Том I (I—VI вв.). М., с. 104—115.
- Кадырбаев М. К., 1959.** Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана // ТИИАЭ АН КазССР. Т. 7. Археология, с. 179—197.
- Ковалевская В. Б., 1979.** Поясные наборы Евразии IV—IX вв. Пряжки // САИ. Вып. E1-2, 58 с.
- Ковалевская В. Б., 1981.** Северокавказские древности // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., с. 83—93.
- Ковалевская В. Б., 1995а.** Хронология древностей северокавказских алан // Аланы: история и культура. Владикавказ, с. 123—183.
- Ковалевская В. Б., 1995б.** Археологическая культура — практика, теория, компьютер. М. 193 с.

Левина Л. М., 1994. Джетыясарская культура. М., 312 с.

Левина Л. М., 1996. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тыс. до н.э. — I тыс. н. э. М., 370 с.

Любчанский И. Э., 2004. Восточные элементы материальной культуры в памятниках кочевников II—VI вв. н.э. южноуральского региона // Уфимский археологический вестник. Вып. 5. Уфа, с. 197—217.

Матвеева Г. И., 2000. Памятники начала эпохи великого переселения народов (II—IV вв. н. э.) // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: Ранний железный век и средневековье. М., с. 94—112.

Матвеева Г. И., 2004. Среднее Поволжье в IV—VII вв.: именьковская культура. Самара. 165 с.

Останина Т. И., 1997. Население Среднего Прикамья в III—V вв. Ижевск. 327 с.

Останина Т. И., 1992. Покровский могильник IV—V вв. Ижевск. 95 с.

Старостин П. Н., 1967. Памятники именьковской культуры //САИ. Вып. ДІ-32. 48 с.

Сунгатов Ф. А., 1998. Турбаслинская культура. Уфа. 168 с.